

КАТАЛИН КРОО
(Будапешт, Венгрия)

**К вопросу концептуализации бинарных оппозиций
и «противоречий» в семиотике литературы Ю. М. Лотмана**

Аннотация: В статье продолжается изучение своеобразия концептуализации Ю. М. Лотманом бинарных противопоставленностей в его исследованиях по семиотике культуры. Бинарные оппозиции рассматриваются в контексте различения дуальных и тернарных моделей «в динамике русской культуры» с установкой на литературу (объект изучения) и интерпретацию научного описания (метатекст). В первой части статьи толкуются работы Лотмана–Успенского (1977), Лотмана «О русской литературе классического периода (Вводные замечания)» (1992), а во второй части – в центр внимания ставится материал чтения Лотманом романа в стихах Пушкина «„Евгений Онегин“: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста» (1975). По ходу изложения понятие бинарности оттеняется в свете определения Лотманом в его «Спецкурсе» механизмов смыслопорождения в целостной семиотической системе литературного текста, подверженных толкованию не просто в понятийном поле «контрастности» и «взаимоисключения», но также в поле «неадекватности», «несовпадения», «разнородности». Происходит переустановка акцента на концептуализацию дифференциального признака, смены условности и возникновения плюральности семиотической системы.

Ключевые слова: Ю. Лотман, бинарные оппозиции, тернарная модель, условность, дифференциальный признак, семиотическая плюральность, «Евгений Онегин»

Введение

В настоящей статье продолжаем разяснять ту специфику семиотического мышления Ю. М. Лотмана, которая сводится к концептуализации культуры и в ней литературы в целом и в отношении отдельных культурных смыслопорождающих механизмов, прибегая к бинарным понятиям и осмыслению семиотических процессов в бинарных оппозициях. В статье «On some aspects of the binary in the context of the ternary and the plural in Juri Lotman's semiotics of literature» (КРОО 2022b) были поставлены в центр толкования совместная работа Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)» (1977 г., цит. по: ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 2002) и обзорная статья Лотмана о русской литературе классического периода (1992 г., цит. по:

ЛОТМАН 2005). Интерес параллельного чтения этих двух работ наряду с тем, что концептуализация бинарности налицо в самых разных текстах Лотмана, заключается в двух моментах. Во-первых, в обоих исследованиях подчеркивается – хотя в более раннем тексте на первый взгляд мимоходом, но в действительности и там с сильным аргументативным весом – разница между дуальными и тернарными системами. Двойная формулировка принципа тернарности в двух текстах позволяет более нюансированно интерпретировать природу тех оппозиций, которые составляют бинарные структуры и которые вместе вырисовывают определенные противоречия, если интерпретировать их в своей симультанности в культурном мышлении изучаемых эпох (рассматривается Средневековье с ранних лет до XVIII века, а затем весь XIX век). Тем самым в свете параллельного чтения указанных двух работ, в сопоставительной перспективе понимания дуальности и тернарности, проливается свет на значительную меру согласованности в двух статьях как в плане концептуализации бинарностей в их действии в русской культуре (теория культуры, отнесенная к объекту изучения), так и в плане применения бинарных понятий как функциональных элементов интерпретации культуры (методологический аппарат метатекстового языка).

Такое родство подходов обращает на себя внимание, указывая на преемственность и самую тесную взаимосвязанность работ 1977 и 1992 гг. Как известно, «раннее» научное наследие Лотмана, куда отчасти причисляют и исследования семидесятых годов, традиционно оценивается как теоретический продукт структуралистского подхода, в котором особое место занимают бинарные оппозиции.¹ Девяностые годы, со своей стороны, воплощают период, когда лотмановское объяснение семиосферического принципа действия культуры уже давно известно как тип концептуализации, достижение которого нередко роднят с идеей сдвига к постструктуралистскому научному мировоззрению и семиотической методологии, как и концепт взрыва радикально переопределяет понимание бинарности.² В таком контексте совместное толкование двух кардинальных

---

¹ О проблемах генезиса и эволюции тартуско-московского структурализма в работах Ю. М. Лотмана 1960-х и начала 1970-х годов: ПИЛЬЩИКОВ И.А., ПОСЕЛЯГИН Н.В., ТРУНИН М.В. (2018).

² См., например, о теоретическом повороте от структурализма в работе SCHÖNLE 2006: 6; EMERSON 2006. См. далее о том, как в понятии семиосферы «превышаются бинарные категории, свойственные структурализму (и иногда сохраненные в деконструкции)» (SCHÖNLE 2020: xvii). В то же время Шенле утверждает, что понимание Лотманом художественного текста всегда подразумевало динамическую систему соотносящихся бинарных противоположностей, комплексная многоуровневость которой обеспечила определенную степень открытости и варибельности, актуализированной читателями соответственно их собственным референциальным рамкам (SCHÖNLE 2020: xx.). И. Чернов в 1982 г.

статей 1977 и 1992 гг. – одна касается дуальных моделей в русской культуре глобально (семиотика культуры), другая – в более узком литературном континууме охваченной эпохи (семиотика литературы) – имеет огромное значение для выяснения той связности текстов Лотмана и внутренней когерентности всего его научного творчества,³ о которой часто забывается, когда его характеристика сосредоточивается на толковании сдвига как перехода от структуралистской к постструктуралистской (постмодернистской) парадигме мышления. Эти статьи совместно способствуют тому, чтобы дать более нюансированно понять истинную природу бинарностей в типологии культуры и описательной системе Лотмана благодаря тому, что они объясняют дуальные структуры в сопоставлении с триадными конструкциями. Наша цель в настоящей статье – отметить и кратко определить, совсем не претендуя нарисовать полную картину, те важные интерпретационные контексты, в которых могут раскрываться более широкие границы значения бинарных противопоставлений через призму их функционирования в динамике смыслового мира литературного произведения. Проблема бинарностей в этом духе будет вкратце рассматриваться в перспективе толкования Лотманом тернарности, плюрализма, понятий (не)прерывности, условности, дифференциального признака, семиотического единства семантических процессов и художественного текста.

Бинаризм в свете тернарности

В статье Лотмана о русской литературе классического периода (ЛОТМАН 2005) противопоставленные бинарная и тернарная модели представляют собой общие черты в плане определения функции противоположностей как бинарностей с точки зрения их роли в динамике смыслопорождения. Ю. Лотман в основном относит художественное мышление Лермонтова, Гоголя и Достоевского под знак дуальности, в то время

толкует применение бинарных понятий в литературоведении как продукт «современной стадии», когда в противоположность «предшествующим этапам» оперирования понятиями, налицо мышление противопоставлениями. Хотя и нечеткое историческое очертание «стадий» в указанной работе (ведь структурализм уже интенсивно действует в 60-ые годы и немецкая идеалистическая философия как традиция имеет свои упроченные корни в русском мышлении) кажется как минимум амбивалентным, гораздо более важное объяснение применения бинарностей обращает на себя внимание с точки зрения их функционального значения в раскрытии смысла: «ибо смысл явления проясняется не заданием (или приданием) понятию некоторого строгого смысла, а скорее сам смысл возникает на фоне того, что противопоставлено этому явлению, на фоне чего оно существует и в рамках какой традиции воспринимается» (ЧЕРНОВ 2005: 11). Т. Сабо подчеркивает структуралистский принцип бинарностей: SZABÓ 2003: 132.

³ Подробно о внутренней последовательности всего лотмановского научного *oeuvre*'а см. KROO 2020a.

как творчество Пушкина, Толстого и Чехова он интерпретирует под углом зрения тернарной модели. Разница между двумя моделирующими системами основывается на том, что существует ли между полярными полюсами семантической оси (см., напр., грех vs. святость, ад vs. рай) промежуточная полоса, оцениваемая как нейтральная зона, лишенная аксиологического содержания. Парадоксально, что эта третья, промежуточная, нейтральная сфера оказывается маркированной самым ярким способом, так как она получает двойное определение, т. е. двоякую кодировку. Между бинарными мотивами, например *святое* и *грешное*, в нейтральной сфере будет лежать что-то, о чем можно знать в качестве доминантной черты лишь одно, а именно – отрицание и одного и другого качества, воплощаемых полярностями: оно не является ни святым, ни грешным, ни хорошим, ни плохим, ни горячим, ни холодным и т. д. (см. ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 2002: 89–90). Этот «средний» пласт, представляя собой «мир, который не имеет однозначной моральной оценки и характеризуется признаком существования, оправдан самим фактом своего бытия» (ЛОТМАН 2005: 598), сообщая замысел *обычной* жизни (см., напр., в творчестве Чехова). Нюансируя далее описание промежуточной средней зоны, следует указать на наглядный семантический конфликт между утверждением данной полосы значения *существования* (онтологическое утверждение чего-то), в то время как само содержание этого существования (гносеологическая референция) четко не определено. Поэтому эта сфера тернарной структуры может считаться открытой и продуктивной в семиотическом смысле, так как она может воплощаться в разных формах соотношения означающего и означаемого. Например, «этот мир может оцениваться как мир пошлости, и тогда зло будет принимать облик своего обычного, каждодневного проявления, но он может оцениваться и как мир естественного человеческого существования, мир, который оправдан не добром и не злом, не талантом и не преступлением, не высокой нравственностью и не низкой безнравственностью» (Там же). Это и превращает нейтральную зону в великий резерв потенциальных проявлений характеристик, поступков, мотивов. Созвучна такая черта идее Лотмана и Успенского (2002: 89) о широкой полосе «нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов» в реальной жизни западного Средневековья с тернарной структурой. Из такого структурного резерва «развивается система завтрашнего дня» (Там же). Имеется в виду момент будущего в плане исторического процесса. Однако, думая о творчестве Пушкина, Толстого и Чехова, как представителей тернарной модели, должны иметься в виду тексты, в которых представляется «будущее» в рамках смыслопорождающих процессов, которые от настоящего момента (смысл бинарностей) отодвигаются к более открытым смыслам.

Бинарность как семиотическое условие семантизации

Двойная кодировка путем двойного отрицания и открытость, состоящая в неопределенности и, следовательно, в перспективе появления самых разных возможностей семантической воплощаемости, показывают нейтральную зону более продуктивным генеративным пространством, чем полярные пункты (бинарности). Без противопоставленных понятий/мотивов тем не менее не существовало бы и инициирования смысла. Поэтому можно сказать, что функция полярностей состоит в том, чтобы служить *референциальными рамками* для определения смысла. Двойное отрицание в средней зоне иницирует значение в виде двойного (даже если только имплицитного) отрицания как двойственно определяемого отодвижения от полярностей. Тем самым открывается вариативность как обновление благодаря потенциальным новым значениям. Из этого вытекает, что тернарность тоже невозможно объяснить без понятия дуальности: дуальность (как базовое *логическое* противопоставление⁴) следует интерпретировать не просто с точки зрения означаемого (в нашем случае, говоря более широко – содержание концептуализации мира созданием его художественной модели), но и – а это есть первичное – с семиотической точки зрения, т. е. в перспективе *условия знаковой структурированности семантизации*. В этом свете можно сказать, что бинарности (отметим в качестве условных знаков А и Б) служат базовой семиотической рамкой, так как обеспечивают два четких, стартующих референциальных пункта для определения значения (А как противопоставленное смыслу Б и Б как противопоставленное смыслу А). В этом свете в тернарности происходит *удвоение двойственности* в рамках удвоения реляционности (элемент средней зоны встает одновременно как *ни А* в отношении противопоставления элементу Б и *ни Б* как противопоставление элементу А). Этим осложняется система референциальности в сети реляционности, т. е. обогащается ядерная семиотическая структура.

Бинарность в перспективе динамики семантизации и ресемантизации – (не)прерывность

В семиотическом смысле речь идет об инициировании значения и его развертывании, т. е. *динамике смыслопорождения*. Не случайно Лотман и Успенский применяют понятия бинарности и тернарности, занимаясь сменами культурных парадигм в историческом масштабе. В случае дуальной «ценностной ориентации» указываются две модели динамики в смысле трансформации. Отчетливое членение русской культуры приносит возможность такой последовательной смены этапов, в которой проявляется ориентированность на «решительный отрыв от предшествующего». В то же время «новые исторические структуры в русской культуре изучаемого

⁴ Концептуализацию и обзор разновидностей оппозиций см. в статье: DANESI 2012.

периода неизменно включают в себя механизмы, воспроизводящие заново культуры прошлого» (ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 2002: 88–89). Это может приносить цикличность в ракурсе «регенерации архаических форм» и при смене перспектив толкования понятия «могут наполняться на каждом этапе новым содержанием, в зависимости от того, какова исходная точка развития» (о двух вариантах отношения новой культуры к старому в плане модели ее построения, см. Там же: 92–93). В тернарной модели культурного менталитета непрерывность и поступательность реализуются иначе, когда новое может развиваться из «„неиспользованного” резерва» (Там же: 89).

Остановимся на проблеме внутренней текстовой динамики, которая любопытно толкуется Ю. Лотманом при его функциональном подходе к семантике полярностей. Указывается тип сюжета, которым двигают бинарности (полюсы зла и добра) не в качестве конфликта, а как источник пути к добру через «предельную степень» зла. «Такой путь мыслится как переход от зла к добру, но движение это, осуществляемое человеком, требует сначала достижения предельной степени зла, преломления пути и последующего восхождения к добру» (ЛОТМАН 2005: 596). Для нашего толкования здесь оказывается важным не описание Ю. Лотманом разных сюжетных видов и вариантов, а размышление о превращении полюсов в свое противоположное содержание как о форме активизирующейся между ними динамики. И в этом случае, привязанном к дуальной модели, бинарности толкуются как самые маркированные и действующие моменты смыслопорождения. Они особым образом, выраженным в сюжетосложении, служат активации порождения смысла и трансформации семантики. В одно и то же время действуют рамками смысловой трансформации и являются носителями ее содержания, т. е. выступают семиотическим стержнем процессов ресемантизации.

Противоречие как несоответствие и семиотическая условность

В дальнейшем обратимся к основополагающей работе Лотмана, к вводным лекциям изучения текста «Евгения Онегина» (1975 г., цит. по: ЛОТМАН 1995). Известно, что ученый толкует роман в стихах Пушкина, выдвигая на передний план принцип противоречий и раскрывая их формы многоуровневой структурированности и сложной семантической системности. С.А. Кибальник в статье «„Евгений Онегин” или „Евгений Лотман”» указывает на неудовлетворительность укоренившейся вслед за Лотманом интерпретационной традиции, сводящей главную черту поэтики пушкинского романа к противоречиям. Он критикует отдельные моменты их отождествления и определения в лотмановском исследовании и уже подзаголовком своей статьи причисляет идею о «поэтике противоречий» в «Евгении Онегине» к мифу. В пространство полемики Кибальника с Лотманом (КИБАЛЬНИК 2011), в котором сформулировано много контраргументов против конкретных случаев определения

Лотманом противоречий, мы не намерены вступать. С точки зрения поставленного в нашей статье вопроса важно не изучение конкретного содержания отдельных проявлений типа связи между сегментами текста на разных уровнях, которое ученый именует «противоречиями». Попытаемся подойти поближе к толкованию самого смыслопорождающего механизма так называемых противоречий в целях раскрытия их семиотической природы.

По первому тезисному определению «противоречия» бросается в глаза, что Лотман подводит к одному понятию (ссылаясь на саму пушкинскую констатацию фигурирования в тексте многих «противоречий» – в связи с этим стоит подчеркнуть, что поэт не определяет четко, что именно подразумевает под этим выражением) разнородные поэтические явления:

Это столкновение различных характеристик персонажей в разных главах и строфах, резкая смена тона повествования (в результате чего одна и та же мысль может быть в смежных отрывках текста высказана серьезно и иронически), столкновение текста и авторского к нему комментария или же ироническая омонимия типа эпиграфа ко второй главе: «O rus! *Hor.*; O Русь!». То, что Пушкин на протяжении романа дважды – в первой и последней главах – прямо обратил внимание читателя на наличие в тексте противоречий, конечно, не случайно. Это указывает на сознательный художественный расчет (ЛОТМАН 1995: 409).

В определении наблюдаются разные виды связи: между разными проявлениями характеристики персонажей, между серьезной и иронической модальностями, отождествляемыми как тоны (в бахтинском духе можно было бы также сказать «интонации»), между готовым текстом и метакомментарием, между элементами омонимической двойственности (прием двоякого словоупотребления, соположения омонимических мотивов, влекущих за собой появление иронии, которая, однако, создается другим путем, нежели ранее упомянутая резкая смена тона повествования). Общей знаменатель перечисленных поэтических феноменов, называемых «столкновениями», сводится к *напряжению между семиотическими условиями семантизации*. Многоговорящее объяснение приводится в примечании Лотмана к идее «столкновения текста и авторского к нему комментария»:

Так, к сатирической XLII строфе первой главы, содержащей убийственную характеристику дам большого света («Так недоступны для мужчин, / Что вид уж их рождает сплин»), Пушкин дал примечание, ирония которого рождается из *противоречия тексту* [Наш курсив. – К.К.] строфы: «Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Людовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любезностью и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестью, столь пленившей г-жу Сталь (см. Dix ans d'exil)» (VI,

191). К XXVIII строфе первой главы («Бренчат кавалергарда шпоры...») Пушкин в черновой рукописи сделал уникальное примечание: «Неточность. – На балах кавалергардские офицеры являются так же, как и прочие гости в вицмундире и башмаках» (VI, 528). Характерно стремление автора как бы вступить в спор с самим собой вместо того, чтобы устранять противоречия в тексте (Там же).

В первой части сноски под «противоречием тексту» Лотман понимает принцип *несоответствия*. Пушкинское примечание как автотекст внушает, что суть семантики рассматриваемой строфы в ее ироничности, которая проявляется в модальном конфликте. Он как бы критикует дам, но по сути дела, наоборот, приносит им похвалу, подобно тому, как Буало «под видом укоризны» восхваляет французского короля. Ироничность, таким образом, состоит в несоответствии между презентацией отношения к объекту описания (укоризны) и истинным к нему отношением (оценка похвалой). В метакомментарии Пушкиным указывается несоответствие в форме иронии и подчеркивается положительная оценка дам. Он как бы дешифрует код иронии строфы, в то время как Лотман утверждает: пушкинский дискурс противоречит самой интерпретируемой строфе, в которой он совсем не восхваляет женщин, а, по словам ученого, дает им «убийственную характеристику». Убийственность именно в том, что преобладают сегменты как бы положительных или нейтральных качеств, в то время как сам лирический дискурс ориентирован на выражение монотонности и надоедания, чем и действительно «убивается» возможность восхваления дам. Несоответствие, таким образом, в строфе явно налицо, но именно в противоположном смысле, чем это объясняется в пушкинском комментарии, где вместо укоризны подчеркивается действительность похвалы. Пушкинский автотекст и комментируемая онегинская строфа, следовательно, создают обратно-симметрическую связь. Вот это и называется Лотманом противоречием примечания тексту. В то же время, несоответствие текста и метатекста как ироническое «противоречие» оказывается *вполне созвучным* иронической (по выражению Лотмана «сатирической») модальности самой строфы. В итоге можно сказать, что в контексте данной условности (см.: ЛОТМАН Ю.М., УСПЕНСКИЙ Б.А. 1970) *противоречие как несоответствие* получает многократное и осложненное объяснение, которому принадлежит и идея, что в результате структурной (расширение) и смысловой (переоценка) осложнений порождается семантическая согласованность. В конце концов система противоречий в том смысле, как это понимается Лотманом, обеспечивает семантическое единство текста и метатекста.

Во второй части пушкинского примечания приводится слово поэта о неточности детали в строфе («Бренчат кавалергарда шпоры...»), что Лотман считает опять нестертым противоречием, однако и здесь удваивается «противоречие». Во-первых, оно не устраняется из текста, а во-вторых, в со-

отношении текста и метатекста его значение возобновляется, когда Пушкин вступает в спор с самим собой (т. е. противоречит самому себе). Согласно условности данного контекста добавления метатекста к тексту, следовательно, вновь создается созвучность, вырастает семантическое единство из соотношения несоответствий разного типа.

Противоречие, таким образом, понимается как система несоответствий, которые приводят к семантическому единству, т. е. согласованности. Они, по свидетельству первого тезисного определения и элементов дальнейшего изложения в «Спецкурсе», представляют собою разные виды проявлений семиотического конфликта, высказываясь в плане разных инстанций характеристик персонажей, столкновений (за счет динамической смены модальностей, интонации, «тонов», включая и зарождение иронии как формы двойного чтения дискурса) и говоря более широко – в русле многозначностей мотивов (как, например, в случае фонической мотивной пары *rus*–*Русь*, и в случае исходного и перевоплощенного значения мотивов). В эту последовательность встраиваются и система чужой речи («с широкими языковыми и культурными контекстами», ЛОТМАН 1995: 417), точки зрения, как и то, на чем и основывается базовый аргументативный материал Лотмана: как Пушкин «сознательно избегал норм и правил, обязательных не только для романа, но и вообще для всего, что могло бы быть определено как литературный текст» (Там же: 436). Речь идет о внушении произвольной непосредственности, непредсказуемости, *несоответствия* любой нормативности, нарушения элементов ожидаемости, несогласованности кусков, одним словом, – о модели жизни, воплощаемой самим литературным текстом. Художественный текст «Евгения Онегина» претворяет в жизнь модель квази-нелитературности как жизненности за счет систематического повышения литературной условности – мы могли бы подчеркнуть: за счет обогащения, последовательного расширения, умножения *семиотических условий семантизации* путем порождения в тексте целой сети *несоответствий*. Несоответствия дают о себе знать многократно на одном и том же текстовом уровне (характеристика персонажа; модальность; точка зрения; и т. д.), но их системность действует и в межуровневых соотношениях.

Эти несоответствия воплощают не *противоречия* в буквальном смысле слова, по той причине, что они не обязательно несут смысл полярных бинарностей. Наоборот, лотмановский набор аргументативных примеров доказывает, что речь идет о принципе постоянной смены семиотической условности (условности, сообщаемой определенным соотношением «отображающей» и «отображаемой» системы, что и означает *семиотическую условность знакотворчества, в рамках которой происходят процессы семантизации*). На высшем уровне динамической системы условностей – этот вывод можно сделать на основании изложения Лотмана – стоит само «противоречие» между смыслом текста как квази-жизни и смыслом текста как семиосферы с повышенной степенью систематизи-

рованных соотношений и смен разных условностей как плюральной системы. Такое «противоречие», таким же образом, но на высшем уровне семиотической иерархии создает единство текста «Евгения Онегина» подобно тому, как представленное выше соотношение автоматетекстового сообщения, комментирующего о природе иронии XLII строфы первой главы через осложнение структуры «противоречия», т. е. несоответствий, способно создать конечное единство текста и метатекста.⁵

Обратно к функции бинарностей – дифференциальный признак

Обобщая информацию о концептуализации Лотманом «противоречий» в «Евгении Онегине», следует также установить, что хотя в полосу определения данного понятия входят такие отождествления связи соотнесенных элементов, как «контрастное противопоставление», «несовместимость» (Там же: 410), «контрастность», «контрапунктное построение» (Там же: 448), «взаимоисключение» (Там же: 411), указывающие на бинарности, представляющие диаметрально противоположные полярностей, в то же время приводятся такие маркировки, как «несогласованность» (Там же: 395), «несовпадение» (Там же: 447), «неадекватность», «разнородность» (Там же: 448). Эти последние определения более подчеркнуто дают понять, что функциональность описываемой связи тяготеет не к реализации принципа бинарностей, а к привнесению в семантическую систему *дифференциальных признаков*⁶ в русле инициации и продолжения порождения нового смысла⁷ – ср., в контексте парного противопоставления персонажей о «наборе дифференциальных признаков» (Там же: 443).

Принцип «противоречий», согласно общему толкованию «Евгения Онегина» в «Спецкурсе», представляет собою принцип *порождения различий* в процессах порождения, постоянного осложнения и развития смысла. Это принцип постоянного подчеркивания «неадекватности», «несогласованности», «несовпадения», «разрозненности», в сферу которых вписываются и бинарные противопоставления, хотя не только они. Выяс-

---

⁵ Ср.: «...разорванность, контрастность, контрапунктное построение являются в пушкинском романе средством создания целого, обретающего в читательском восприятии прямо противоположные качества – единства, гармоничности, монологической формы, композиционной законченности» (Там же: 448).

⁶ О проблеме дифференции в контексте *différence* Деррида, см.: MONTICELLI 2007.

⁷ Это лишь одна сторона функции дифференциального признака. Парадоксальным образом его структурирование в то же время содействует и созданию единства текста (см. детально: Там же. Ср. с понятиями «архисемы» (1965 г., цит. по: ЛОТМАН Ю.М. 2018: 78, 96), и «со- и противопоставления» (ПИЛЬЩИКОВ И.А., ПОСЕЛЯГИН Н.В., ТРУНИН М.В. 2018: 15), указывающими на сочетание общих и дифференцирующих элементов. На таком сочетании основывается понимание единства.

нению истинного значения «противоречия» в том широком понимании, как Лотман объясняет комплексную систему многократного и многоуровневого действия механизмов *постоянных взаимопроецированных дифференциаций как устойчивого семиотического условия семантизации* (новые условия – новые условности) и терминологическому уточнению противоречия привлечением к его объяснению указанных выше выражений, которые отдаляются от смысла полярностей, созвучны определению функции дифференциации. Лотман говорит не только о совпадении и несовпадении, но и о «частичном» совпадении (Там же: 447), а также о принципе «дополнительности». А толкуя возникновение «противоречия», механизм порождения его значения, он включает в свое объяснение такие понятия как «резкая смена» (Там же: 409), «разорванность», «нарушение» (Там же: 448), «стилевой слом» (Там же: 444) и т. д. Под «противоречием» в данной перспективе понимается прерывание определенной условности (начиная со смысла одного слова/мотива до полной литературной традиции), отказ от ее действия как предсказуемого и семантически договоренного и через вложение в непрерывность условности слом/смену/несовпадение и т. д. – порождение нового значения. Лотман указывает на плюральность и иерархичность в «Евгении Онегине» семантических аномалий и амбивалентностей (прерывания безусловной действенности поставленных семиотических условностей семантизации и, таким образом, известных форм семантизации при тождественности мотива самому себе), а также указывает на трансформации смыслов и семантическую аддитивность, когда по ходу смен семиотических условностей в процессах семантизации текста они сохраняются, составляя единство текста в открытом плюрализме.

По сути дела Лотман дает семиосферическое толкование текста «Евгения Онегина» в работе 1975 г., которая основывается на материале более раннего его университетского спецкурса. Он указывает на «полиглотизм» текста и на плюральность противоречий, а в рамках их системности – на плюральность бинарностей. Мы можем вспомнить работу 1970 г. «Структура художественного текста», где утверждается: «Взаимоналожение [...] бинарных членений создает пучки дифференциации» (ЛОТМАН 1970: 304), а также сослаться на концепцию семиосферы, которая включает в себя утверждение о мультиплицированности ядерных структур (ЛОТМАН 1984: 12). А в «Спецкурсе» среди «противоречий» и бинарностей в качестве примера обнаруживается проявление хотя и эксплицитно не так называемой, но явно отождествляемой тернарной структуры. Сопоставляя истинный характер Онегина с тем, как Татьяна указана в пушкинском тексте как носитель предсказуемости будущих поступков героя, Лотман подчеркивает:

Распределив между собой и Онегиным роли из известных ей романов, Татьяна тем самым может с уверенностью, как ей кажется, предсказать будущий ход

событий. Герой может быть лишь одним из двух – Ловласом или Грандисоном [...] Если Онегин – Ловлас, «коварный искуситель» и «развратитель», то сюжет определен: «„Погибну”, Таня говорит, / „Но гибель от него любезна”» (VI, 118). Если же он Грандисон, «ангел ли хранитель» – «Твоей защиты умоляю...» (VI, 67). (ЛОТМАН 1995: 447)

То, что Онегин не был ни Грандисоном, ни Ловласом и таким образом он не проходит предвиденные возможности сюжетного пути, так как не намерен ни хранить, ни губить Татьяну, на самом деле Лотман интерпретирует в контексте тернарности, ведь «напротив» обеих возможностей открывается третий вариант, реальность, когда герой «очень мило поступил с печальной Таней», как подчеркивается в «Спецкурсе», «явив при этом „души прямое благородство”» (Там же: 447–448). Двойное отрицание в форме *ни это, ни то* и раскрытие в промежуточной зоне между крайними полюсами нового смысла представляют собой ту логику смыслопорождения, о которой свидетельствует толкование в начале настоящей статьи совместной с Успенским и самостоятельной работы Лотмана. Такая тернарная структура не оставляет за собою сомнения насчет важности инициации процесса смыслопорождения в структурах бинарностей в составе той системы дифференциаций, которая толкуется Лотманом в перспективе поэтики противоречий. Читая в едином контексте указанные в настоящей статье труды Лотмана, не остается сомнения насчет внутренней последовательности научного наследия ученого.

Литература

- КИБАЛЬНИК 2011 = КИБАЛЬНИК С.А. «Евгений Онегин» или «Евгений Лотман», или миф о «поэтике противоречий» в пушкинском романе // Культура и текст, 2011. № 12. 161–182.
- ЛОТМАН 1970 = ЛОТМАН Ю.М. Структура художественного текста. Москва, Искусство, 1970.
- ЛОТМАН 1984 = ЛОТМАН Ю.М. О семиосфере // Труды по знаковым системам, 1984. № 17. 5–23.
- ЛОТМАН 1995 = ЛОТМАН Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург, 1995. 393–462.
- ЛОТМАН 2005 = ЛОТМАН Ю.М. О русской литературе классического периода (Вводные замечания) // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). Санкт-Петербург, 2005. 594–604.
- ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1970 = ЛОТМАН Ю.М., УСПЕНСКИЙ Б.А. Условность в искусстве // Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Философская энциклопедия, Т. 5. Под ред. Ф.В. Константинова, Москва, 1970. 287–288.
- ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 2002 = ЛОТМАН Ю.М., УСПЕНСКИЙ Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) //

- Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. Санкт-Петербург, 2002. 88–116.
- ПИЛЬЩИКОВ, ПОСЕЛЯГИН, ТРУНИН 2018 = ПИЛЬЩИКОВ И.А., ПОСЕЛЯГИН Н.В., ТРУНИН М.В. Проблемы генезиса и эволюции тартуско-московского структурализма в работах Ю. М. Лотмана 1960-х и начала 1970-х годов (Вступительная статья) // Пильщиков И.А., Поселягин Н.В., Трунин М.В. (ред.). Ю.М. Лотман, О структурализме. Работы 1965–1970 годов. Таллинн, 2018. 7–62.
- ЧЕРНОВ 2005 = ЧЕРНОВ И.А. Опыт введения в систему Ю.М. Лотмана // О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). Санкт-Петербург, 2005. 5–12.
- DANESI 2009 = DANESI M. Opposition theory and the interconnectedness of language, culture, and cognition // *Sign Systems Studies*, 37 (1/2). 11–42. DOI: [10.12697/SSS.2009.37.1-2.02](https://doi.org/10.12697/SSS.2009.37.1-2.02)
- EMERSON 2006 = EMERSON C. Pushkin's „Andzhelo”, Lotman's insight into it, and the proper measure of politics and grace // Schönle A. (ed.) *Lotman and cultural studies: Encounters and extensions*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006. 84–111.
- KROÓ 2022a = KROÓ K. Lotman and literary studies // Tamm M. and P. Torop (eds.). *The companion to Juri Lotman. A semiotic theory of culture*. Bloomsbury Academic, 2022. 350–366. DOI: [10.5040/9781350181649.0035](https://doi.org/10.5040/9781350181649.0035)
- KROÓ 2022b = KROÓ K. On some aspects of the binary in the context of the ternary and the plural in Juri Lotman's semiotics of literature On the Conceptualisation of Binary Oppositions and „Contradictions” in Juri Lotman's Semiotics of Literature // *Neohelicon*, 2022, 49. vol. 2. (в печати).
- MONTICELLI 2012 = MONTICELLI D. Challenging identity: Lotman's „translation of the untranslatable” and Derrida's différance // *Sign Systems Studies*, 40 (3/4). 319–338. DOI: [10.12697/SSS.2012.3-4.04](https://doi.org/10.12697/SSS.2012.3-4.04)
- SCHÖNLE 2006 = SCHÖNLE A. Introduction // Schönle A. (ed.) *Lotman and cultural studies: Encounters and extensions*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006. 3–34.
- SCHÖNLE 2020 = SCHÖNLE A. Introduction // Schönle A. (ed.) *Culture and communication: Signs in flux. An anthology of major and lesser-known works by Yuri Lotman (Series: Cultural Syllabus)*. Boston: Academic Studies Press, 2020. xiii–xv. DOI: [10.1515/9781644693889-004](https://doi.org/10.1515/9781644693889-004)
- SZABÓ 2003 = SZABÓ T. A gondolkodó világ modellje: in memoriam Jurij Mihajlovics Lotman (1922–1993) // *Aetas*, 2003/1, XVIII. 113–141.

On the Conceptualisation of Binary Oppositions and „Contradictions” in Jurij Lotman's Literary Semiotics. In this article, the author continues to investigate the specificity of Jurij Lotman's conceptualisation of binary oppositions in his semiotics of culture. Binaries are approached, first, through the differentiation of binary and ternary models „in the dynamics of Russian culture”, with an orientation to literature (the research object) and within the characterisation of the nature of the scientific description of culture (the metatext). The analysis is based on the reading of Lotman–Uspensky's joint article

(1977), Lotman's *O russkoj literature klassičeskogo perioda (Vvodnye zamėchanija)* (1992), and the second half of the article puts, in centre stage, the reading by Lotman of Pushkin's novel in verse, „*Evgenij Onegin*”: *Speckurs. Vvodnye lekčii v izučenie teksta* (1975). The concept of binary opposites and „contradictions” is given a more complex interpretation in the light of the definitions abstracted from the *Special course* where Lotman studies the meaning-engendering mechanisms within the overall semiotic system of the literary text, explaining opposites not only in terms of contrast and mutual exclusion, but also relating them to the concepts of inadequacy (neadekvatnost'), mismatch (nesovpadenie), heterogeneity (raznorodnost') etc. With this, a shift of accent takes place pointing to the function of the differential trait, the change of semiotic conditionality and the emergence of semiotic plurality.

Keywords: Jurij Lotman, binary oppositions, ternary model, semiotic conditionality (uslovnost'), differential trait, semiotic plurality, *Eugene Onegin*